

Маленький спросил: «А куда исчезает любовь, когда мы умираем и уходим на небо? Ты будешь любить меня, когда меня не станет?»

Большой взял Маленького на руки, и они вместе смотрели на сверкающие звезды, на плывущую по небу луну. «Взгляни, Маленький. Видишь, как ярко горят звезды? А ведь многие из них давным-давно погасли... Но свет их все летит к нам в ночной темноте. Вот и любовь, как звездный свет, не умирает никогда...»

Деби Глиори. Что бы ни случилось

ПРОЛОГ

Я просто обязан был что-то почувствовать. Что-то такое, о чем обычно пишут в книгах: мороз по коже, застывшее напряжение в воздухе, зловещие нотки в завывании ветра... Какой-нибудь тайный знак, понятный лишь мне и Элизабет. Есть несчастья, которых мы почти ожидаем (пример тому — случай с моими родителями); другие же сваливаются на нас внезапно, сокрушая все, что составляло смысл нашего существования. Вот моя жизнь до трагедии. Вот — после. Ничего общего.

В день годовщины Элизабет казалась понурой. Я не придавал этому значения: моя жена с детства имела склонность к меланхолии и частенько погружалась в глубокую задумчивость. Однако в тот вечер мне впервые показалось, что между нами возникла некая отчужденность. А может быть, я все это выдумал позже? К тому моменту наши отношения выдержали многое, и я размышлял, выдержат ли они еще и *эту* правду. Или, в случае если я решу промолчать, эту ложь.

Кондиционер рычал, будучи включен на максимум, снаружи было жарко и влажно — типичный для этих мест август. По мосту Милфорд мы пересекли Делавэрское ущелье и, заплатив дружелюбному служащему, въехали в Пенсильванию. Еще через десять миль, увидев надпись на камне, гласившую: «Озеро Шармейн — частное владение», я свернул на проселочную дорогу.

Пыль захрустела под шинами, как под копытами арабского скакуна. Элизабет приглушила радио. Краешком глаза я заметил, что она изучает мой профиль, и у меня екнуло

сердце. Справа промелькнули два оленя, щиплющих листья. Звери было встревожились, однако, осознав, что мы не представляем никакой опасности, вернулись к прерванной трапезе. И вот озеро. Солнце уже садилось. Его умирающий свет окрашивал небо в оранжевый и пурпурный; верхушки деревьев будто охвачены огнем.

— Не могу поверить, что мы снова здесь, — сказал я.

— Ты же сам все это придумал.

— Да, но тогда мне было двенадцать!

Элизабет сдержанно улыбнулась. Редкий подарок, каждая ее улыбка надолго оставалась в моей душе.

— Это романтично, — заявила она.

— Это ерунда.

— А я люблю романтику.

— Ты любишь ерунду.

— Ты ведь сам заводишься каждый раз, когда мы сюда приезжаем.

— Ну, тогда мое имя — мистер Романтик.

Жена засмеялась и взяла меня за руку.

— Пойдем, мистер Романтик, а то темнеет.

Озеро Шармейн. Это название придумал мой дед, и оно буквально выводило бабушку из себя. Бабушке, видите ли, хотелось, чтобы озеро назвали в ее честь — озеро Берты. А дед сделал вид, что не понял. Два очка в его пользу.

Пятьдесят с лишним лет назад здесь располагался летний лагерь для богатеньких детишек. Видно, дети порядком допекли владельца озера, потому что он буквально за гроши продал и его, и всю окружающую территорию моему деду. Дед снес большую часть строений, оставив и отремонтировав только директорский домик. Правда, в глубине леса, куда он не имел привычки заглядывать, сохранилось несколько полуразрушенных домусек. Я вместе с сестрой Линдой обожал играть там в прятки, разыскивать пыльные сокровища, выслеживать Лешего, в существовании которого мы были уверены, как в своем собственном. Элизабет редко присоединялась к нашим походам. Она любила обжитые места, а загадки ее пугали.

Как только мы вышли из машины, меня окружили духи прошлого. Полным-полно духов, кружащихся вокруг и на-

стойчиво требующих внимания. Выиграл, как всегда, отец. Тишина на озере стояла оглушительная, и все-таки я бы мог поклясться, что слышу, как он с радостным воплем летит с мостков — колени прижаты к груди, на лице — сияющая улыбка, упоение от восторга, светящегося в глазах его единственного сына, — и с оглушительным плеском рушится в воду возле загорающей на плоту мамы. Она ругает отца и смеется.

Я моргнул, и видения отступили. Но смех мамы, крик отца, плеск воды все еще слышались в тишине озера, и я подумал, что, возможно, отзвуки тех дней не затихли навсегда, что где-то в верхушках деревьев до сих пор звучат голоса моих родителей. Мысль, согласен, не самая умная.

Воспоминания, знаете ли, ранят. А приятные — особенно.

— Все в порядке, Бек? — окликнула меня Элизабет.

Я повернулся к ней:

— Если не ошибаюсь, мне пора начинать заводиться?

— Извращенец.

Элизабет двинулась вперед по тропинке — подбородок поднят, спина прямая, — и я вспомнил, как впервые увидел эту походку. Я ехал по крутой и ветреной Гудхарт-роуд на велосипеде с бананово-желтым сиденьем и изображением Бэтмена на раме. Ехал без рук, как и подобает крутому семилетнему парню. Ветер откидывал назад волосы и выжимал слезы из глаз, я пропустил фургон, проезжавший мимо старого дома Раскинов, повернул за угол и — вот моя Элизабет! Она шла там с самодельным браслетом на руке, прямая, надменная и невероятно веснушчатая.

Две недели спустя мы встретились в школе, во втором классе, у мисс Собел и с тех пор — только не улыбайтесь, — с тех пор были неразлучны. Взрослые и посмеивались над нами, и недоумевали; детская дружба переросла сначала в первую любовь, потом в подростковую увлеченность, а вскоре и в юношескую страсть. Все ждали, когда же мы наконец перерастем наши отношения. Все, даже мы сами. Мы были неглупыми ребятами, особенно Элизабет, — первые ученики в классе и так далее, — поэтому прекрасно сознавали странность ситуации.

Только вот мы здесь, уже двадцатипятилетние, семь месяцев как женатые, на том самом месте, где впервые по-настоящему поцеловались.

Слащаво звучит, я знаю.

Ветви деревьев загораживали узкую сырую тропинку, приходилось все время отводить их в сторону. Воздух был напоен смолистым ароматом сосен, из густой травы позади нас с жужжанием поднимались тучи mosкитов и другой летучей мелочи. Тени деревьев сплетались в невероятные фигуры, которые можно было толковать так же свободно, как плывущие в небе облака или пятна в тесте Роршаха.

Мы свернули в гущу кустарника и начали продираться к заветной цели. Элизабет по-прежнему шла впереди, я в двух шагах за ней. Теперь это кажется почти символическим, а тогда я считал, будто ничто не может нас разлучить, и доказательство тому — долгая история нашей любви. И я виноват в том, что так беззаботно отпустил ее от себя.

Виноват.

Элизабет свернула вправо, к большому продолговатому камню, возле которого и росло ТО САМОЕ дерево. Наши инициалы были глубоко врезаны в кору.

Э. П.

+

Д. Б.

Ну и конечно, сердечко вокруг. Под всем этим недоразумением было процарапано двенадцать линий, по числу лет, прошедших со дня нашего первого поцелуя. Я чуть было не ляпнул что-то о сентиментальных недоумках, однако, посмотрев на лицо Элизабет, потерявшее к тому времени значительную часть веснушек, на линию подбородка, на длинную, грациозную шею, спокойные зеленые глаза, темные, заплетенные в густую косу волосы, промолчал. В тот момент я чуть было не рассказал ей все, но что-то меня остановило.

— Я тебя люблю, — сказал я.

- Уже прослезился?
- А как же!
- Я тоже тебя люблю.
- Ага! — злорадно парировал я. — Сама не лучше!

Элизабет улыбнулась — как мне показалось, не очень уверенно. Я обнял ее. Когда, двенадцать лет назад, мы наконец-то набрались смелости поцеловаться по-настоящему, от нее пахло чисто вымытыми волосами и клубничными конфетами. Тогда я был ошеломлен новизной ощущений. Теперь от моей жены пахло сиренью и корицей, а я почувствовал, как поцелуй, подобно теплому светящемуся облачку, поднимается из самых глубин сердца. Я до сих пор испытывал шок, когда ее язык касался моего. Элизабет отстранилась и перевела дыхание.

— Уступаю тебе почетное право, — сказала она и отдала ножик, чтобы я вырезал на дереве тринадцатую линию. Тринадцать. Теперь это кажется предзнаменованием.

Когда мы вернулись к озеру, уже стемнело, луна плыла по небу одиноким маячком. Было очень тихо, даже сверчки почему-то молчали. Мы быстро разделись, я взглянул на Элизабет в лунном свете и почувствовал комок в горле. Она нырнула первой, почти беззвучно, я неуклюже прыгнул за ней. Вода оказалась неожиданно теплой. Элизабет плыла, делая четкие, уверенные гребки, волны будто раступались перед ней, я с плеском двигался следом. Звуки разлетались по поверхности озера, как брошенные ловкой рукой камешки. Элизабет повернулась ко мне, мы обнялись. Я всегда любил прикасаться к ее коже. Она прижалась всем телом, я слышал ее дыхание и чувствовал биение сердца. Такие живые звуки. Мы поцеловались. Мои руки скользнули по ее спине...

После — а прошло все просто замечательно — я подтянул к себе плот и рухнул на него, переводя дух. Ноги свободно болтались в воде. Элизабет нахмурилась:

- Ты что, собираешься отвернуться и уснуть?
- И даже захрапеть.
- Ох уж эти мужчины!

Я улегся на спину, закинув руки за голову. Тучи закрыли луну, ночь стала еще черней. Воздух был неподвижен, я отчетливо слышал, как Элизабет выходит из воды на мостки, и даже разглядел ее обнаженный силуэт. Стоит ли говорить, что она была сногшибательна. Я наблюдал, как жена, наклонившись, выжимает волосы и, выпрямившись, откидывает их назад.

На меня опять нахлынули мысли о недавнем происшествии, я все еще не верил в него до конца. Плот сносило течением, он отплывал все дальше и дальше от пристани, я начал терять Элизабет из виду. В тот момент, когда ее силуэт окончательно пропал в темноте, я вдруг решил: расскажу ей все! На меня нахлынуло невероятное облегчение. Волны с тихим шорохом бились о плот.

И тут хлопнула дверца машины.

Я рывком сел.

— Элизабет?

Тишина, слышно лишь мое прерывистое дыхание.

Я попытался разглядеть, что происходит. Тьма стояла непроглядная, но на какое-то мгновение показалось, что я увидел жену. Она стояла, молча рассматривая меня. И вдруг исчезла.

Я поморгал и снова взгляделся в темноту. Тщетно.

Сердце ушло у меня в пятки.

— Элизабет!

Нет ответа.

Я запаниковал. Нырнул с плота и поплыл к берегу. Казалось, что я чересчур громко гребу руками. Так громко, что не слышу происходящего на берегу. Я остановился.

— Элизабет!

Ни звука. Тучи все еще закрывали луну. Может, Элизабет зашла в купальню? Или просто решила достать что-то из машины? Я открыл рот, чтобы позвать еще раз.

И тут услышал ее крик.

Я опустил голову и поплыл. Поплыл так быстро, как только мог, руки и ноги лихорадочно колотили воду. К несчастью, до мостков было слишком далеко. Я попытался хоть что-нибудь разглядеть, но луна все не показывалась.

Послышались звуки борьбы, вскрики, будто кого-то тащили силком.

Наконец я увидел причал. До него оставалось шагов двадцать, не больше. Я начал грести еще быстрее. Легкие горели, я наглotalся воды, руки рывками двигали тело вперед. Вот она — лестница! Я вцепился в нее и с усилием выдернул себя из воды. После Элизабет мостки еще оставались влажными. Я взгляделся в сторону купальни и ничего не увидел.

— Элизабет!

Что-то вроде бейсбольной биты воткнулось мне в солнечное сплетение. Я разинул рот и согнулся пополам, пытаюсь вдохнуть. И опять удар, теперь по затылку. В череп будто забили огромный гвоздь. Колени подломились, я упал и, ничего не соображая, схватился руками за голову, пытаюсь унять боль. И тут меня ударили прямо в лицо.

Теряя сознание, я рухнул в озеро. Элизабет закричала снова — на этот раз мое имя, — но все звуки затихли, и я ушел под воду.

ГЛАВА 1

Восемь лет спустя

Очередная малолетка разрывает мне сердце.

Карие глаза, курчавые волосы, белозубая улыбка. Ей четырнадцать и...

— Ты беременна?

— Да, доктор Бек.

Я старался не зажмуриться. Это далеко не первая девочка, пришедшая на прием с подобной новостью. Не первая даже за сегодня. Я работаю педиатром в клинике Вашингтон-Хайтс с тех пор, как пять лет назад окончил ординатуру в находящемся поблизости Колумбийском пресвитерианском медицинском центре. Согласно программе «Медикэйд», мы помогаем нуждающемуся (читай: бедному) населению: терапия, гинекология и, конечно, педиатрия. Поэтому многие и считают меня добреньким благотворителем.

Они ошибаются. Я люблю свою работу, и мне скучно быть педиатром в каком-нибудь богатом пригороде, общаться со спортивными мамочками и нананикюрными папочками, в общем, с людьми вроде меня.

— И что ты собираешься делать? — спросил я.

— Не я, а мы с Тереллом. Мы очень счастливы, доктор Бек.

— А сколько Тереллу лет?

— Шестнадцать.

Она взирала на меня, радостно улыбаясь. Мне опять захотелось зажмуриться.

Самое шокирующее, что бóльшая часть подобных беременностей неслучайна. Дети хотят иметь детей, и никто не принимает это в расчет. Да, с ними говорят о контроле рождаемости, предохранении, воздержании и тому подобном. Однако у их крутых друзей уже есть дети, и к ним привлечено всеобщее внимание. «Эй, Терелл, а почему бы и нам не...»

— Он меня любит, — сообщила четырнадцатилетка.

— Ты говорила с мамой?

— Нет еще. — Она сконфузилась и сразу стала выглядеть на свои четырнадцать. — Я думала, вы поможете.

— Разумеется, — кивнул я.

Я уже давно не осуждал их. Я слушал. Впитывал. Нескольким лет назад я бы прочел девочке лекцию. Тогда я свысока глядел на своих бестолковых пациентов и обрушивал на их головы горы сведений о саморазрушении и деградации. Но вот однажды, холодным манхэттенским утром, одна из них, изможденная семнадцатилетняя женщина, ожидавшая третьего ребенка от третьего отца, посмотрела мне прямо в глаза и сказала сущую правду: «Вы не знаете, как я живу».

Меня здорово встряхнула эта фраза. Я перестал разыгрывать белого миссионера и стал просто хорошим доктором. Я окружу девочку и ее ребенка всевозможной заботой и не стану объяснять маленькой дурочке, что Терелл скоро исчезнет из ее жизни, что она уже испортила себе будущее и, вероятно, родит еще парочку детей от других отцов до того, как ей исполнится двадцать.

Если думать об этом слишком много, начнешь сходиться с ума.

Мы поговорили еще несколько минут. Вернее, говорила девочка, а я слушал. Моя смотровая, исполняющая также обязанности офиса, была размером с тюремную камеру (только не подумайте, что я знаю это по собственному опыту), со стенами, выкрашенными в веселенький зеленый цвет, каким красят душевые в школах. Таблица зрения (та, где вы должны называть буквы) висела напротив двери, выцветшие картинки из диснеевских мультфильмов — на левой стене, огромный плакат с пирамидой питания — на правой. Моя четырнадцатилетняя пациентка сидела на смотровом столе с рулоном специальной бумаги, который выдавался в ходе осмотра каждому посетителю. Непонятно почему, бумага напомнила мне обертку сэндвича из «Карнеги дели».

Радиатор жарил на полную мощность, потому что в месте, где постоянно раздеваются дети, это просто необходимо. Я был одет в рабочий «костюм»: джинсы, рубашка и яркий галстук с эмблемой благотворительного фонда «Спасение детей» и датой «1994». Я не ношу белый халат. Мне кажется, он пугает малышей.

Моя четырнадцатилетка — я никак не мог отвлечься от ее возраста — была неплохой девочкой. Смешно, но большинство из них именно такие. Я выписал направление к хорошему гинекологу, потом поговорил с ее матерью. Ничего нового или необычного. Как я уже сказал, приходится заниматься такими вещами почти что каждый день. Мы даже обнялись, перед тем как мать с дочкой вышли. За спиной девочки мы с матерью обменялись взглядами. Ко мне ежедневно приводят своих детей примерно двадцать пять женщин, — правда, к концу недели я могу на пальцах сосчитать тех, кто замужем.

Как я уже говорил, я никого не осуждаю. Я лишь наблюдатель.

Проводив посетителей, я взял медицинскую карту беременной и просмотрел несколько страниц. Я вел девочку с тех пор, как был еще ординатором, а ей исполнилось всего-навсего восемь. Она выросла у меня на глазах. Я попытался вспомнить, как шесть лет назад выглядела моя паци-

ентка, и понял, что девочка мало изменилась. Наконец-то можно зажмуриться и изо всех сил потерять глаза.

И тут истошно заорал Гомер Симпсон: «Почта! Почта пришла! О-о-о-о!»

Пришлось открыть глаза и повернуться к монитору. Гомера Симпсона — одного из героев мультлика «Симпсоны» — кто-то встроил в систему оповещения компьютерной почты, а я и не возражал. Мне даже нравилось.

Только собрался проверить входящие, заквакал интерком, и Ванда, секретарь, неуверенно проговорила:

— Вас... кхм... вас... просит... Шона.

Я понял ее смятение, поблагодарил и нажал мигающую кнопку.

— Привет, солнышко.

— Не надо любезностей, — отозвались на том конце трубки. — Я уже иду.

Я поднялся и прошел по коридору к приемной, куда с улицы входила Шона. Она вошла в маленькое помещение так, будто делала нам одолжение. Шона — топ-модель, все знают ее по имени, так же как Шер или, скажем, Наоми. При росте шесть футов один дюйм она весит сто девяносто фунтов и выглядит, как вы и сами догадались, головокружительно. Все в приемной, повернув голову в ее сторону, невольно подтвердили этот эпитет.

Шона даже не подумала остановиться около секретаря, а секретарю и в голову не пришло ее окликнуть. Кивнув в сторону входной двери, она заявила:

— Ланч. Немедленно.

— Я же говорил, что буду занят.

— Надень пальто, там холодно.

— Слушай, у меня все нормально. В конце концов, годовщина только завтра.

— Столик заказан.

Я заколебался, и Шона это почувствовала.

— Пойдем, Бек! Будет весело. Совсем как в старые добрые времена в колледже. Помнишь, когда мы с тобой кадрили цыпочек?..

— Я никогда не кадрил цыпочек.

— Хорошо, я кадрила без тебя. Надевай пальто и идем. Я сдался и пошел одеваться. Около моего кабинета одна из мамаш хитро улыбнулась мне и шепнула:

- В жизни она даже лучше, чем на экране.
- Точно, — согласился я.
- А вы с ней... — Мамашка сложила ладони вместе.
- Нет, у нее уже есть кое-кто.
- Правда? И кто же?
- Моя сестра.

Мы сидели в облезлом китайском ресторанчике. Официант-китаец, как оказалось, понимал только по-испански. Шона, одетая в безупречный синий костюм, нахмурилась:

- Это что, мясо Мушу¹ в черепашьем панцире?
- А ты попробуй, — посоветовал я.

Мы познакомились в первый день учебы в колледже. При составлении списков куда-то пропала буква «а», и вместо Шоны появился Шон. В итоге нас поселили в одну комнату в общежитии. Мы сначала хотели сообщить об ошибке в администрацию, но разговорились и неожиданно почувствовали растущую симпатию. Шона поставила мне пиво, и через час мы решили оставить все как есть. А то еще неизвестно, каких придурков могут к нам подселить.

Я поступил в Амхерст, знаменитый частный колледж в Западном Массачусетсе. И если есть на свете место, где собирается больше маменькиных сынков, чем там, то я его не знаю. Элизабет, наша школьная звезда, выбрала Йель. Конечно, мы могли поступить куда-то вместе, однако, обсудив все «за» и «против», решили, что надо вести себя повзрослому и серьезно проверить наши отношения. Вы спрашиваете, что из этого вышло? Мы дико скучали друг без друга, разлука лишь укрепила чувства, придав им налет романтического страдания.

Слащаво, я знаю.

— Посидишь сегодня с Марком? — спросила Шона с набитым ртом.

¹ *Мушу* — дракончик, герой мультфильма «Мулан», снятого на студии У. Диснея. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Марк был моим пятилетним племянником. Незадолго до окончания института Шона начала встречаться с Линдой. Семь лет назад они поженились, продуктом этой так называемой любви и стал Марк. Ну конечно, не без помощи искусственного осеменения. Линда выносила ребенка, а Шона усыновила. Будучи несколько старомодными, они надеялись, что сын вырастет настоящим мужчиной, и я был призван олицетворять мужское влияние.

Короче, если вспомнить, что творится на работе, моя жизнь явно напоминает шоу «Семейка Осборн».

— Без проблем, — отозвался я. — Как раз хотел посмотреть новый диснеевский мультфильм.

— Ой, он замечательный! Не хуже «Покахонтас».

— Вот и отлично. А куда вы собрались, если не секрет?

— Очередное дурацкое мероприятие. Теперь лесбиянки в моде, и наша общественная жизнь стала чересчур бурной. Порой я даже жалею о временах, когда приходилось прятаться по туалетам.

Я заказал себе пиво. Не надо бы... а, ну ладно, одно — не страшно. Шона последовала моему примеру.

— Итак, ты расплевался с этой, как ее там...

— Бренди.

— Точно. Классное имечко! У нее, случайно, нет сестренки по имени Виски?

— Мы всего лишь пару раз встретились.

— Я рада, она мне совсем не нравилась — ни рожи ни кожи. У меня для тебя есть кое-кто получше.

— Нет, спасибо.

— У нее потрясная фигура!

— Перестань сватать мне своих подружек, Шона. Пожалуйста.

— Объясни — почему?

— Помнишь ту, последнюю?

— Кассандру?

— Ее.

— И что с ней не так?

— Все так, кроме одной маленькой проблемы, — она лесбиянка.

— О господи. Бек, ты просто шовинист какой-то!

Зазвонил мобильник Шоны. Она откинулась в кресле и, разговаривая, изучала мое лицо. Затем, рывкнув что-то резкое, отключилась.

— Мне пора бежать, — вздохнула она.

Я махнул официанту.

— Заходи завтра вечером, — предложила Шона.

— Что, у лесбиянок нет никаких планов? — притворно удивился я.

— У меня нет. Зато твоя сестра приглашена на официальный прием в доме Брэндона Скоупа.

— А ты почему не идешь?

— Мы не хотим бросать Марка две ночи подряд. Линда не может не пойти, она руководит фондом. А я взяла отгул. Приходи, ладно? Закажем чего-нибудь поесть, посмотрим с Марком видео.

Завтра — годовщина. Будь Элизабет жива, мы бы процарапали на нашем дереве двадцать первую линию. Возможно, это прозвучит странно, но «особые дни» — годовщины, праздники, дни рождения Элизабет — пролетали для меня незаметно. Я загружал себя на полную катушку и просто не успевал страдать. Будни — вот что было самым страшным. Когда я щелкал пультом телевизора и наткался на «Шоу Мэри Тайлер Мур» или «Ваше здоровье!». Когда рылся на полках книжного магазина и замечал новый роман Элис Хоффман или Энн Тайлер. Когда слушал «Фор топс» или Нину Симон...

— Я обещал зайти к матери Элизабет, — сказал я.

— О, Бек... — Шона была готова возразить и все же сдержалась. — А послезавтра?

— Непременно.

Шона схватила мою руку:

— Ты не пропадешь опять?

Я не ответил.

— Я люблю тебя, сам знаешь! В смысле, если бы мне вообще нравились мужчины, ты был бы первый на очереди.

— Я тронут, — ответил я. — Честно.

— Не убегай, не замыкайся в своей скорлупе! Говори со мной хоть иногда. Будешь?

— Буду, — сказал я. И это была неправда.

Подумать только, я чуть не стер это сообщение!

Мне приходит столько всякого мусора, ну, вы знаете, того, что называют спамом, что рука почти машинально нажимает клавишу «Удалить». Обычно я читаю адрес, и если сообщение от кого-то из знакомых или из больницы — прекрасно. Нет — до свидания.

Я сел за стол и просмотрел расписание. Не продохнуть. Впрочем, как и всегда. Крутанулся на стуле и занес над клавиатурой «удаляющий» палец. Всего лишь одно сообщение, то самое, о котором оповещал Симпсон. Я кинул беглый взгляд на адрес и задержался на первых двух буквах темы.

Что за черт...

Экран был отформатирован таким образом, что я видел только эти две буквы и адрес отправителя. Совершенно незнакомый адрес: какие-то цифры и @comparama.com.

Я прищурился и нажал кнопку, сдвинув окно вправо. Каждое нажатие кнопки выводило на экран всего одну букву, в такт нажатиям бухал мой пульс, сбивалось дыхание. Я ждал, не отрывая пальца.

Когда все буквы появились на экране, я снова прочел тему, и в груди похолодело.

— Доктор Бек?

Я не мог разлепить губы.

— Доктор Бек?

— Минуточку.

Ванда заколебалась. Несколько секунд я еще слышал в интеркомме ее дыхание, потом она отключилась.

Я не мог оторвать глаз от экрана.

От: 13943928@comparama.com

Кому: dbeckmd@nyhosp.com

Тема: Э. П. + Д. Б. //////////////////////////////////////

Двадцать одна линия. Я уже четыре раза сосчитал.

Чья-то дурная, жестокая шутка. Я почувствовал, как пальцы сжимаются в кулаки. Знать бы, что за сволочной сукин сын прислал это идиотское сообщение. В Интернете невероятно легко сохранить анонимность; для подлеца, которому посчастливилось жить в наш технический век, нет лучшего укрытия. Но вот какая штука: не так уж много народу знает о нашем дереве и о годовщине. Журналисты и то не докопались. Знают, конечно, Шона и Линда. Элизабет могла поделиться с родителями и дядей. А кроме них...

Что же все это значит?

Нужно было немедленно прочесть само сообщение, однако что-то меня удерживало. Дело в том, что я думаю о Элизабет гораздо больше, чем кажется со стороны. Я никогда не говорю о ней или о случившемся. Люди, наверное, считают меня очень сдержанным и суровым; они уверены, будто я не желаю принимать соболезнований, переживаю горе, как настоящий мужчина. Ерунда, дело совсем в другом. Разговоры о Элизабет ранят, и очень сильно. Я словно опять слышу ее последний крик, вновь передо мной встают вопросы, на которые никто не знает ответа, вновь одолевают мысли о том, что было бы, если бы не... Мало вещей на свете ранит так же больно, как это «если бы не...». Возвращается и чувство вины, и мысли о том, что кто-то другой — сильнее, смелее, — возможно, смог бы ее спасти.

Говорят, горе осознается не сразу. Первый шок мешает адекватно воспринимать реальность. И это тоже ерунда. По крайней мере, в моем случае. Я понимал все совершенно четко с того момента, как нашлось тело Элизабет. Я знал, что никогда не увижу ее снова, что никогда больше не обниму, что у нас не будет детей и счастливой старости. Знал, что это конец, что возврата к прошлому нет и ничего нельзя исправить или изменить.

Я тогда сразу начал плакать. Я плакал, не замечая этого, почти неделю без остановки. Я никому не давал до себя дотронуться, даже Линде или Шоне. Я спал на нашей с Элизабет кровати, зарывшись с головой в ее подушку,

вдыхая ее запах. Я открывал платяной шкаф и прижимался лицом к ее одежде. Это не утешало, даже наоборот. Но запах Элизабет был частью ее самой, и я продолжал терзать себя.

Умудренные опытом друзья — самые противные из всех — произносили затасканные слова о том, что я еще молод, что время лечит. Мне хотелось крикнуть им: «Выразите свое глубокое соболезнование и заткнитесь! Не надо говорить, что она теперь в лучшем мире. Не надо говорить, что так решила судьба. Не надо объяснять мне, что я — счастливчик, потому что узнал такую любовь». Все эти банальности только бесили. Я смотрел на произносивших подобные слова идиотов и думал — не очень-то гуманно — о том, почему они все еще ходят по земле, в то время как моя Элизабет гниет в могиле.

Тем не менее приходилось покорно выслушивать бредни про то, что «лучше узнать любовь и потерять ее, чем не любить вообще». Да несколько не лучше. Мне показали рай, а потом отняли. И это еще не все. Хуже то, что Элизабет продолжала незримо присутствовать в моей обыденной жизни. Сколько раз я видел или делал нечто, что непременно бы ей понравилось, столько раз и возвращалась боль. Меня спрашивали: сожалею ли я о чем-нибудь? Если бы я удосужился им ответить, то сказал бы, что сожалею лишь об одном — что не потратил КАЖДЫЙ миг своей жизни на то, чтобы сделать Элизабет счастливее.

— Доктор Бек?

— Секундочку.

Я положил руку на мышку и кликнул по иконке «Читая». Письмо появилось целиком.

От: 13943928@comparama.com

Кому: dbeckmd@nyhosp.com

Тема: Э. П. + Д. Б. //////////////////////////////////////

Кликните по этой ссылке. День годовщины, час поцелуя.

В груди у меня похолодело.

Час поцелуя?

Все-таки розыгрыш, не иначе. Я никогда не любил шарды и не умел долго ждать.

Я снова схватил мышку и подвел стрелку курсора к ссылке. Щелкнул по ней и услышал, как нехотя заверещал старенький модем. У клиники не было средств на современное оборудование, и, открывая новую страницу, приходилось подолгу ждать. «Час поцелуя»... Как они узнали про «час поцелуя»?

На экране появилась надпись: «Ошибка».

Я нахмурился. Что же это, черт возьми, такое? Я попробовал соединиться еще раз. Опять ошибка. Ссылка не работала.

Кто, дьявол его забери, мог знать о часе поцелуя?

Я никому не говорил. Мы даже с Элизабет это особо не обсуждали. Да и что тут обсуждать? Мы были сентиментальны, как Поллианна¹, и старались держать такие вещи в секрете. Вы спросите — какие? Дело в том, что, когда мы, двадцать один год назад, впервые поцеловались, я засек время. Просто так, для смеху. Глянул на часы и сказал: «Пятнадцать минут седьмого».

А Элизабет ответила: «Час поцелуя».

Я опять прочел сообщение. Это было совсем не весело, а пожалуй, даже страшновато. Одно дело сыграть жестокую шутку и совсем другое...

«Час поцелуя».

Он наступит завтра, в 18:15. Мне остается только ждать.

Больше ничего.

Я сохранил сообщение на дискету, просто на всякий случай. Потом полностью распечатал его на принтере. Я мало что понимаю в компьютерах, но говорят, будто по всей этой адресной абракадабре можно вычислить, откуда пришло письмо. Принтер заворчал. Я снова перечитал тему и пересчитал линии. Точно, двадцать одна.

Я вспомнил наше дерево, первый поцелуй, и в моем тесном, душном кабинете вдруг запахло клубничными леденцами.

¹ *Поллианна* — героиня одноименной детской книги (1913) американской писательницы Э. Портер, неисправимая оптимистка.

СОДЕРЖАНИЕ

НЕ ГОВОРИ НИКОМУ. <i>Перевод А. Панасюк</i>	5
БЕГЛЕЦ, <i>Перевод А. Круглова</i>	299